

шего фонетического слияния артикля и имени. Во французском языке эти тенденции проявляются не только в укреплении элизии артикля, охватывающей все существительные, начинающиеся с гласной (в просторечии этот процесс распространяется и на существительные, начинающиеся с согласной), но и в том, что при отсутствии элизии уже в среднефранцузский период артикль произносится слитно с именем, как единое фонетическое целое. Ср. случаи включения элидированного артикля в состав французского слова при заимствованиях его в другие языки (рус. *лафет* из франц. *l'affût*, *лазурь* из *l'azur*). Ср. в этом плане также имена собственные, типа *Lafontaine*, *Lamartine* и т. д. Но эти явления не дают еще права говорить о полном включении артикля в состав имени и превращении его в препозитивную морфему-флексию, как думал Ж. Вандриес²⁴. Действительно, в тех индоевропейских языках, где развился постпозитивный артикль (скандинавские, румынский, армянский, албанский, болгарский языки и восточносербские диалекты), он сравнительно быстро был поглощен именем и подобно другим постпозитивным служебным словам превратился в настоящую морфему. Аналогичным путем, как известно, возникли флексии так называемых слабых или членных форм прилагательных в славянских, балтийских и германских языках. В связи с этим уместно вспомнить предположение Ф. Боппа и Г. Хирта об участии энклитических местоимений в образовании индоевропейских именных флексий²⁵. Наоборот, устойчивость начальных слогов и общая очерченность начала индоевропейского слова²⁶ препятствуют слиянию артикля, равно как и других препозитивных частей, со словом.

Превращение артикля во всеобщий и стандартный оформитель имени требовало его употребления при всех именах существительных, независимо от их значения, а это, конечно, способствовало его проникновению в те разряды существительных, которые раньше оказывали ему сопротивление. С конца XIII в. артикль начинает употребляться при названиях городов, с XV в. артикль ставится при названиях рек, с XVI в. подавляющее количество существительных абстрактного значения получает артикль²⁷.

Параллельно с расширением употребления артикля идет процесс абстрагирования его значения. Это развитие шло не по прямой восходящей линии количественного абстрагирования от частного и конкретного в значении отдельных существительных, обслуживаемых артиклем. Развитие грамматического строя языка тесно связано с развитием словарного состава языка и особенно его основного фонда. В связи с этим значение грамматической категории вырастает на фундаменте того лексического материала, который эта последняя обслуживает. Поэтому изменения в составе лексических разрядов, обслуживаемых той или иной грамматической категорией, также влияют на развитие ее грамматического значения. Таким образом, вовлечение в сферу употребления артикля новых разрядов существительных не могло не повлиять на его значение. Так, проникновение определенного артикля сначала в разряд существительных, обозначающих предметы и явления единственные в своем роде (географические названия и слова типа *terre*, *soleil*), а затем его употребление при существительных,

²⁴ Ср. Ж. Вандриес, *Язык, рус. пер.*, М., 1937, стр. 115, 129, 178.

²⁵ См. Н. Нигт, *Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre*, 1902, § 311, а также F. Specht, *Der Ursprung der Indogermanischen Deklination*, Геттинген, 1944, стр. 353 и сл.

²⁶ См. R. Gauthiot, *La fin de mot en indo-européen*, Париж, 1913, стр. 34—35.

²⁷ О расширении сферы употребления артикля можно судить по данным, приводимым Ж. Дамуреттом и Э. Пишоном в их работе «*Essai de grammaire de la langue française*» (см. т. I, стр. 352): в «Житии св. Алексиса» (начало XI в.) на 625 строк текста приходится 43 существительных без артикля, в памятнике XIII в. «История Людовика Святого» Жуэввиля на 206 страниц текста имеется всего 107 существительных без артикля; в анонимном романе «*Jean de Paris*» (конец XV в.) на 124 страницы текста лишь у 67 существительных отсутствует артикль.